

Скрипичная книга

Первая скрипка. К 80-летию Владимира Юрьевича Овчарка: Воспоминания. Материалы и документы. Статьи / Сост. Н. А. Брагинская; СПбГК. — СПб, 2007. — 261 с.

25 марта 2007 года Владимиру Юрьевичу Овчарку исполнилось восемьдесят лет. 20 сентября он получил первый экземпляр только что вышедшей из печати книги «Первая скрипка», созданной Наталией Александровной Брагинской. 4 ноября его не стало.

Он успел увидеть эту книгу, взять в руки, перелистать, прочесть. Здесь важно каждое действие и каждый этап знакомства. Название «Первая скрипка» замечательно точно обозначает всю историю жизни героя, которая будет рассказана на страницах книги. От первой скрипки Володи Овчарка из Николаева, около Одессы (где «климат, очевидно, такой, что обязательно на чем-нибудь заиграешь», — говорил Владимир Юрьевич (с. 8)) через все неправдоподобно долгие шестьдесят лет, когда Владимир Овчарек — сначала студент Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории, потом ее профессор — был первой скрипкой Квартета Танеева.

Держать эту книгу в руках — ощущение родственное тому, что испытываешь, прикасаясь к инструменту. Через мгновение понимаешь: книга с обложкой цвета темного дерева — скрипичной масти. Более того (хотя этого секрета книга не выдает) — это скрипка Гварнери Владимира Овчарка, звук которого, вспоминает Алла Арановская, «вызывал <...> ощущение невероятной сладости и гибкости: казалось, ни одна фраза не проходит мимо души» (с. 218).

Все, что будет внутри книги, заключено в эту теплую, живую, звучащую оболочку — как в корпус инструмента. Скрипка и скрипач и в названии, и в оформлении книги неразделимы. Это блестящая находка автора-составителя книги Наталии Брагинской, и подобных находок здесь еще немало.

Вот одна из них: первая часть книги озаглавлена «Из моей жизни», по названию квартета Сметаны. Основной текст этой части — воспоминания Владимира Овчарка: запись бесед, которые Наталия

Брагинская вела с ним на протяжении двух лет. Они драгоценны уже потому, что в 2007 году вспомнить год 1934-й могли немногие. Именно в тот год Володя Овчарек обрел своего первого учителя, Александра Ивановича Грико и таким образом стал педагогическим правнуком Леопольда Ауэра (Грико учился у Ованеса Аракеловича Налбандяна, а тот окончил консерваторию по классу Ауэра). В десять лет, при переходе Овчарка из Дома художественного воспитания детей в школу-десятилетку при консерватории, «мама поставила перед дирекцией такое условие: «Если вы хотите его взять, то только с педагогом»» (с. 11).

Овчарек рассказывает детали и подробности — семейной истории, учения, военных лет, профессиональной карьеры, — с присутствием ему мягким юмором и со спокойной мудростью своего патриаршего возраста; эта живая интонация сохранена в тексте:

«На маминим заявлении поставили неповторимую резолюцию: «Принять ввиду большого желания!»» (с. 9–10).

«Вы рано начали курить?» — «Очень поздно. Лет в десять» (с. 26).

«Я на уроки продолжаю со скрипкой ходить. Если показал, — вроде играет ученик; не показал, ограничился рассказом — тут же забывает. У них склероз» (с. 137).

Эти беседы составляют главный, но не единственный пласт первой части. Контрапункт к ним Наталия Брагинская выстраивает, выступая в другой своей роли — ученого и исследователя, с богатейшим опытом работы с архивными документами, с подлинным талантом интерпретации и комментария. Заявления, характеристики, приказы, личные дела, выписки из протоколов, — результат многомесячных трудов: поисков, обработки, отбора. Включаясь в живой диалог героя и автора книги, эти документы с их преимущественно сухим канцелярским языком, выглядят — по контрасту — весьма колоритно. Например, Овчарек рассказывает про себя и закадычных друзей — Григории

(Грине) Луцком и Виталии Понаровском (Поне), «лихой тройце»: «вместе мы учились, выступали на многочисленных концертах перед ранеными и, конечно, хулиганили». Рядом с этим пассажем — Приказ № 33 «по Музык. Школе 10-летке ЛОЛГК им. Римского-Корсакова» от 6 мая 1944 года: «За недопустимое поведение и неоднократные нарушения правил внутреннего распорядка отчислить из числа воспитанников интерната ученика VIII класса Понаровского Виталия и ученика IX класса Овчарка Владимира. (Луцкому — строгий выговор с предупреждением)» (с. 25–26).

Приложение к консерваторскому диплому свидетельствует: Владимир Овчарек на «посредственно» сдавал «Основы марксизма-ленинизма» и «Диалектический и исторический материализм», а все специальные предметы — на «отлично».

График «целинных» концертов Квартета Танеева в сезоне 1955/1956 годов, составленный по записным книжкам Григория Луцкого, поражает воображение географией и концертными площадками (Иркутская область. Г. Нижнеудинск. Дом офицеров; Худосланская. Колхоз «Заря коммунизма»; Шерагуль. Бригада № 1 (стан); Колхоз «Путь коммунизма»).

Затем в документальный пласт включаются интервью, рецензии в отечественной и зарубежной прессе, фрагменты теле- и радиопредач, письма: Рихтера, Хайкина и — филармонического слушателя и почитателя Квартета Танеева с именем будто из романа братьев Стругацких: Дон Бенционович Абелев (Интерлюдия-1). Вся эта сложная вязь разнообразных текстов не только читается, но и выглядит в книге ясно — как голоса в партитуре — благодаря дизайну Юлии Львовны Ногаревой.

Кульминация «документальной» линии приходится на Интерлюдия-2. Это увлекательнейший исследовательский очерк, выстроенный Наталией Брагинской вокруг письма Д. Д. Шостаковича В. Ю. Овчарку о Пятнадцатом квартете, — реконструкция истории премьеры квартета. В нем сходятся шостаковическая линия книги (Овчарек рассказывает о том, что квартет хотел носить имя Шостаковича) и шостаковические штудии автора, в последние годы чрезвычайно интенсивные и плодотворные. Брагинская восстанавливает подлинную историю премьеры, опровергая мнение, что композитор передал свой Пятнадцатый квартет танеевцам лишь тогда, когда стало окончательно ясно, что бетховенский квартет не сможет сыграть премьеру. На основании письма Шостаковича от 10 октября 1974 года, датировки дарственной надписи на партитуре квартета (7 октября), устных свидетельств Овчарека и Левинзона, документов из личных архивов музыкантов и из библиотеки Филармонии, дневников Шостаковича, консультаций О. Г. Дигонской из московского Архива Шостаковича, Брагинская доказывает, что ленинградские музыканты получили и выучили квартет несколькими неделями раньше.

Письмо Шостаковича в этой книге опубликовано впервые. «Оно уникально в силу разных причин. — Комментирует Брагинская. — Текст, написанный композитором за десять месяцев до смерти, представляет один из редких случаев обращения Шостаковича к письменному слову в последний год его жизни». В это время он почти не владел правой рукой. И тем не менее 7 октября 1974 года он пишет письмо Владимиру Овчарку: «Моя жена, Ирина Антоновна довольно прилично записала 15-й квартет в Вашем великолепном исполне-

нии. Я часто кручу эту запись, которая производит в Вашем исполнении огромное впечатление на меня» (с. 91).

Среди авторских указаний исполнителям есть и такое: «43. 2-я скрипка и альт пусть играют такими же штрихами, какими играют Чакону Баха» (с. 92). Это указание, замечает Брагинская, «обнажает баховский корень в замысле Интермеццо, третьей части квартета. <...> По словам Владимира Юрьевича Овчарека, Шостакович <...> имел в виду особую плотность, объемность и напряженность звучания; в идеале по экспрессии Интермеццо должно приближаться к барочной «пьесе для скрипки соло»» (с. 93).

Все это — только первая часть книги. Во второй — «Теме с вариациями» — воспоминания, открытые письма, приношения и признания в любви Владимиру Овчарку — музыкантов оркестра Мравинского, коллег по консерватории, членов Квартета Танеева, учеников.

«Он никогда не был аскетом. Он наделен изумительным чувством юмора, добротой и тактом» — пишет Виталий Марголин «от партии первой трубы» (с. 152).

«Он не только определил успешную карьеру не одной сотни скрипачей, но и «сотворил» более 50 (!) многократных лауреатов престижных международных конкурсов. Это уже подвиг для книги рекордов Гиннеса! — восхищается Марк Тайманов. «Вова, — говорю я ему, — я просто не понимаю, как можно не только воспитать такую плеяду, но хотя бы запомнить их имена и узнать каждого в лицо?!»» (с. 161).

«Согласен ли был я?! — вспоминает Иосиф Левинзон о предложении заменить заболевшего Бениамина Морозова на «Варшавской осени» в 1967-м. — Да разбудите меня ночью и скажите, что нужно ехать с этим квартетом на Дальний Восток, — я бы ринулся в аэропорт, не раздумывая. <...> На следующее утро легендарная Мария Борисовна, мать В. Ю. Овчарека, встречала меня в их квартире на Большой Подъяческой. «Ося, а вы справитесь?» — недоверчиво спросила она, вручая мне целую кипу партий» (с. 186–187).

Алла Арановская передает атмосферу занятий в квартетном классе:

«— Владимир Юрьевич! А интонация-то как, лучше?

— Интонация? Ну что я могу сказать, если в прошлый раз она была острая режущая, то в этот раз — тупая ноющая.

С нами истерика от хохота, но зато урок на всю жизнь: квартет без чистой интонации — нонсенс» (с. 220).

Но и это еще не все. Обязательное Приложение включает репертуар Квартета Танеева (сам объем списка говорит о многом: шесть страниц мелким шрифтом — и это только основное из шестисот (!) сочинений, сыгранных квартетом); списки учеников (пять страниц); программы двух концертных циклов (2001/2002 и 2004/2005 годов), которые Владимир Овчарек организовал и в которых выступал, комментарии Брагинской к двум программам.

И конечно, фотографии. Володя Овчарек, Ленинград, 1935 год. После первого концерта в Большом зале филармонии — в 1937-м, в десять лет. Ленинградский гаврош с папироской. Квартет Ленинградской консерватории («Четыре шевелюры», словами Иосифа Левинзона) — Ленинградской филармонии — Квартет Танеева. Фотографии с дарственными надписями — Иегуди Менухина, Мстислава Ростроповича, Ойстраха, Шостаковича (вместе с Квартетом Танеева). Овчарек на целине. Овчарек на съемках фильма «Иоганн Штраус в Петербурге». В классе. С внуком Володей. С правнуком Максимом. Последняя фотография замыкает круг: Володя Овчарек. Ленинград. Май 1937 года. С первой скрипкой.

Какое счастье, что Владимир Юрьевич успел увидеть эту книгу.